

ЛЕКСИЧЕСКИЕ РУСИЗМЫ И КОНТЕКСТ **(на материале белорусской художественной прозы)**

В основе функционирования лексических русизмов в белорусской художественной прозе лежат отражаемая автором действительность и законы художественного творчества.

Наиболее полно и последовательно функциональное осложнение языковых единиц обнаруживается в прямой речи персонажа, которая выступает в художественном тексте не только как средство изображения, но и как предмет изображения.

Намеренное использование лексических русизмов в прямой речи персонажа может мотивироваться, например, целями собственно содержательного плана, а именно задачами передачи дополнительной, в большинстве случаев вербально не выраженной информации. Функции русских слов в конечном счете сводятся здесь к роли своеобразных сигналов, знаков различного рода содержательно-подтекстовой информации и могут быть условно определены как информационно-коммуникативные функции лексических русизмов.

Реализация информационно-коммуникативных функций лексических русизмов чаще всего определяется целью воссоздания в белорусском художественном тексте речевого облика персонажа, говорящего по-русски. Для этого писатели часто отказываются от дословного цитирования русской речи персонажей и строят их речевые партии на основе белорусского лексического материала с единичными вкраплениями русских слов. Лексические русизмы, таким образом, выступают в роли своеобразных сигналов дополнительной информации о характере речи персонажа с точки зрения ее языковой принадлежности. В результате вкрапления их в белорусский текст (условный, так как персонажи в жизни говорят по-русски), они воспринимаются читателем как элементы подлинной (неусловной) речи персонажа. Все это способствует в конечном счете маркированности в читательском восприятии такой речи как целиком русской, хотя передается она по-белорусски.

Косвенный характер выражения дополнительной информации о языке говорящего порождает вопрос о том, насколько адекватно может восприниматься данная информация лицом, декодирующим сообщение, то есть читателем. Несомненно, что чем шире кругозор и подготовленность читателя, чем

его "тезаурус богаче и разнообразнее, чем больше развита способность читателя аналитически воспринимать текст, тем конкретнее выступают для него очертания несказанного, подразумеваемого" [Гальперин 1981, 45]. Вся совокупность условий понимания связывается в работах последних лет с так называемыми фоновыми знаниями.

С другой стороны, в самом художественном произведении разнообразные контексты высказываемого могут являться основой его адекватного восприятия. В этой связи интерес представляет вопрос о влиянии контекстных условий на эффективность реализации функций лексических русизмов, в данном случае вопрос о том, насколько такое употребление может быть поддержано контекстом художественного произведения.

В зависимости от того, содержит ли контекст художественного произведения (или его части) "подсказку", облегчающую читателю процесс восприятия и осмысления функций лексических русизмов, условно могут быть выделены полные и неполные ("немые") контексты. Так, по отношению к лексическим русизмам, выступающим в роли сигналов дополнительной информации о характере речи персонажа с точки зрения ее языковой принадлежности "немыми" окажутся контексты, не содержащие вербально выраженных сведений о национальности и/или языке говорящего. Все, что сообщается об этом, выражается косвенно, посредством употребления слов русского языка. Адекватность восприятия в подобных случаях во многом определяется такими факторами экстралингвистического порядка, как фоновые знания и опыт коммуникантов.

Например, в произведениях, посвященных событиям Великой Отечественной войны, часто "немые" контексты по отношению к персонажам-военным. По месту в композиции произведения это могут быть персонажи разного "ранга", но чаще — эпизодические лица либо не главные герои, которым автор не дает развернутых характеристик. Лексические русизмы в речевых партиях персонажей-военных оказываются единственным лаконичным средством, осуществляющим своеобразную "паспортизацию" их речи относительно ее языковой принадлежности: *Ды ну! — усумнійся Маркін. — Семдзясят шэць чалавек на давольствіі; Ды з другога батальёна мы, таварыш начальнік боепитання; Ага, спецыяліст па вааружэнню?; Прыгатовіца, — чамусьці напайшэптам камандуе Зотаў (В.Быков); Лейтэнант кінуў вартавому: "Разгаворчыкі, Павелёў"; У мяне ўвальніцельная да васьмі*

(И.Шамякин). Понятно, что эффективность такого употребления русской лексики во многом зависит от наличия у читателя определенных сведений об изображаемых объектах или явлениях реальной действительности, в данном случае — от наличия у него представления о реальной коммуникативной ситуации в армии, которую писатель В.Быков через разговор своих героев в повести "Кар'ер" охарактеризовал так:

— *А мне, ведаеш, дзеравенцу, у арміі давялося памучыцца. Пакуль адвык ад сваёй, рускай авалодаў...*

— *Ну, у арміі, там, можа, і трэба, каб усё па-руску.*

В других случаях подобная "паспортизация" может существовать уже в самом тексте: сведения о национальности и/или языке персонажа прямо сообщаются в нем или обуславливаются содержанием всего произведения. Такие контексты можно рассматривать как полные, так как они содержат "подсказку", облегчающую восприятие и осмысление функций лексических русизмов.

В роли подобной "подсказки" могут выступать различного рода биографические справки, например: *Ну, дык саўсем землякі... Што Варонеж, што Растоў — адна Расея* (В.Быков). Благодаря такой информации ярче осознается уместность лексических русизмов, их функция в следующих репликах данного персонажа: *А ну, а ну! Ізбразі-ка; Ён жа сазнацельны; Младшой, ад імя службы табе благодарнасць!*

Функция лексических русизмов может проявляться также благодаря ситуативно-контекстному подчеркиванию национальности и/или языка персонажа: *"Ну вось, а яшчэ заўхоз!" — сказаў тады чырвонаармеец, які да гэтага маўчаў* (И.Чигринов), ср.: *Галасы набліжаліся. Гаварылі па-руску.*

Наконец, сведения о национальности и/или языке персонажа могут обуславливаться содержанием всего художественного произведения. Например, содержание повести В. Короткевича "Зброя" составляют события, происходящие в Москве 50-х годов прошлого столетия, и это делает уместным и понятным появление лексических русизмов в прямой речи персонажей данного произведения: *Толькі мяне не давядзеш — шалі-іш; І выдую пры ім тры самавары, хаця чаю гэтага бачыць не магу; А тут мамаі ахотнарадскія грызкікаў вуцюзкаць; Проста так, відаць, з азарства* и др.

Рассмотренные примеры позволяют проследить, как между лексическими русизмами и полным контекстом, в котором они употреблены, устанавливается взаимонаправленная

связь. С одной стороны, текстовая "паспортизация" подготавливает читательское восприятие к включению лексических русизмов в речь персонажей, проясняет их функцию. В свою очередь, благодаря употреблению лексических русизмов, сообщенные в полном контексте сведения подчеркиваются, получают дополнительное подтверждение. Все это позволяет, на наш взгляд, наиболее бесконфликтно разрешить противоречие между языком описания и языком описываемых действующих лиц.

Реализация информационно-коммуникативных функций лексических русизмов может связываться с иной творческой установкой писателя — созданием в белорусском художественном тексте речевого облика персонажа — носителя белорусско-русского двуязычия совмещенного типа. В таком случае русские слова включаются в речь персонажей-билингвов с целью ее конкретизации относительно наличия в ней фактов языкового смешения. Основанием для подобного включения лексических русизмов становятся наблюдаемые писателем за пределами художественной литературы, в обыденной речи, реальные случаи отрицательной интерференции, свойственные носителям такого типа белорусско-русского двуязычия. Они имеют объективный характер и поэтому служат фактом, предметом художественного изображения. Однако в соответствии с художественной спецификой литературы, которая призвана не копировать живую речь, а лишь имитировать или типизировать ее, стилистическая функция лексических русизмов здесь также ограничивается ролью сигналов явления, своеобразных знаков дополнительной информации о смешанном характере речи персонажей.

Данная функция русских лексических элементов может реализовываться как в неполных ("немых"), так и в полных контекстах.

Адекватному восприятию функции русских слов в "немых" контекстах могут способствовать такие факторы экстралингвистического порядка, как наличие у читателя определенного фонового знания, опирающегося прежде всего на понимание специфики языковой ситуации в Беларуси, информация о социально-культурных параметрах персонажа, времени и месте описываемых событий.

Функционирование лексических русизмов в полных контекстах поддерживается имеющимися в таких контекстах прямо сообщенными сведениями, подтверждающими или, по

крайней мере, не исключаящими возможность появления русских слов в прямой речи персонажа.

Так, географическая справка типа *У нас тут, у Мокрым, — гэта недалёка, адразу за Верамейкамі, граніца праходзіць паміж Рэсэфэсэрыяй і Беларуссю* (И. Чигринов) в какой-то мере объясняет и поддерживает функционирование лексических русизмов в речи жителей этих деревень: *Неяк жа тады ў палажэнне трэба ўвайсці; Бог ты мой, што эта сянні на мяне наважджэнне такое?; Нябось, яшчэ і пад адчот дадуць; Няхай кожны плячэцца за сваё* и др.

Различного рода биографические справки также выступают в роли "подсказки", проясняющей рассматриваемую функцию русских слов. Например, биографическая справка типа *Яна змалку ведала гэтага высялкоўскага Гужа, які ў калектывізацыю некуды ўцёк ад раскулачвання... Дзесяць гадоў яго не было тут — праходзіў навуку ў далёкім Данбасе* (В. Быков) проясняет функциональную нагруженность многочисленных вкраплений лексических русизмов в речи этого персонажа: *Трэба раздзецца, не вазражаеш?; Савецкая ўлада ляснула, але ж калхозы ні-ні! Калхозы сахраняюцца — Гітлер загадаў* и др.

Как факты языкового смешения выступают лексические русизмы в речи Семена Семенова, персонажа повести В. Быкова "Кар'ер": *Гэта ў шпіталі адцяпалі; Паляжалі так, трошкі аклямаліся; Можа, я таму і непуцёвы такі... Годзе балтаць; Мы з Віцькам Бекешам тожа так саабразілі* и др.

Вероятность смешанного характера речи этого персонажа подтверждает следующая биографическая справка:

— *А ты родам адкуль? — зальятаў ён, хаця ўжо ведаў, што Сямён прыезджы і жыве ў паселку некалькі апошніх гадоў.*

— *Я? А смаленскі, з-пад Ярэцава. Чуў?*

— *Чуў. Блізка...*

— *Блізка, — ахвотна пагадзіўся Сямён. — Я так лічу: што Смаленичына, што Беларусь — адзін чорт.*

Стилистическая функция лексических русизмов может проясняться благодаря ситуативно-контекстному подчеркиванию автором смешанного характера речи персонажей. Например: *Душа, браток мой, ірвецца да нашай прайраснай бацькаўшчыны; Ведаю я твой куточак! Там, чалавеча, або баптыст які, або камуніст, а настаяшчага беларуса — няма!; Не настаяшчы ён беларус; Што ж ты... пазорыш сумленнае беларускае імя?, ср.: ...і гаварыў — Алесь адчуў гэта, падъ-*

шоўшы, неяк падкрэслена весела, прычым па-беларуску, відаць, без асаблівай прывычкі (Я.Брыль).

Речь жителей деревни Нижние Байдуны с точки зрения наличия в ней фактов языкового смешения автором повести характеризуется так: *І казкі гэтыя былі, у параўнанні з Камаровымі, куды больш даступнымі для нас на мове рускай, якую так ці гэтак, уперамешку з роднай, ужывалі ў нас дарослыя, — у сваіх гарадскіх ды ваенных успамінах, песнях, — на мове, якая была і ў тых кнігах, што засталіся на хатах з вайны* (Я.Брыль). Многочисленные вкрапления лексических русизмов в прямую речь героев этой повести являются наглядным подтверждением такого рода информации: *Што, Антонавіч, па-відзі маму шчатаводам, д-да? Скажы, пажалуста, а што гэта за гасударства — Мусалін?; Бо ціхая яна, благачасцівая* и др.

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что функционирование лексических русизмов в прямой речи персонажей может испытывать разную степень поддержки со стороны контекста художественного произведения. Особенно эффективным в таких случаях оказывается употребление русской лексики в полных контекстах, так как именно они в наибольшей мере способствуют дифференциации информационно-коммуникативных функций лексических русизмов, их адекватному восприятию читателем.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.